

У. И. Кулянина**Факторы сохранения социокультурной идентичности меннонитов Волжского Левобережья (Александртальской волости Самарской губернии)**

В статье рассматривается история появления в Самарской губернии колоний немцев-меннонитов, определяются основные культурные отличия их повседневных практик, особенности управления и хозяйственной деятельности, исследуется воздействие властей на колонистов, выделяются факторы, способствовавшие сохранению социокультурной идентичности русских меннонитов. Хронологические рамки исследования охватывают XIX — первую половину XX века. Документальную основу статьи составляют ранее не опубликованные архивные документы, собранные в государственных архивах Самарской области.

Ключевые слова: Александртальское семенное хозяйство, социокультурная идентичность, меннониты, немецкие колонии, Среднее Поволжье.

Миграционные процессы так или иначе связаны с изменением сложившихся устоев и повседневных практик, а также приспособляемостью к новым требованиям. В данном аспекте вопрос сохранения социокультурной идентичности мигрантов обретает большое значение. И в этом плане весьма интересна судьба меннонитов.

На протяжении всего своего существования они были вынуждены противостоять вызовам извне. Периодически меннонитам удавалось становиться гармоничной частью экономической жизни принимающих стран, при этом — без потери своей идентичности. Хотя именно из-за нежелания (или невозможности) подчиняться ряду выдвигаемых политических требований они были вынуждены неоднократно менять «вид на жительство»: становиться подданными Швейцарии, Голландии, Германии, Пруссии и России. К таковым принципиальным моментам следует отнести религиозные запреты на военную службу и произнесение клятв.

В Российскую империю меннониты мигрируют преимущественно с середины XIX века, хотя первые переселенцы появляются после Манифеста 1763 г. Екатерины II, инициировавшего переселение немецких колонистов в Новороссию. Так как к середине XIX века заселение Новороссии считалось уже законченным, в 1851 г. депутатам прусских меннонитов Исааку Классену и Клаассу Эппу удалось договориться с правительством России о переселении единоверцев в Среднее Поволжье [5, с. 104].

Изменения, произошедшие в России в начале XX века, кардинально изменили российское общество: за несколько десятков лет подданные русской короны стали советскими людьми. Однако эти процессы практически не затронули ментальности и идентичности меннонитов. Рассмотрение факторов, обусловивших такую возможность, представляется интересным.

Историография вопроса невелика. В отечественной историографии вопрос о причинах замкнутости меннонитских общин в Поволжье впервые был поднят в досоветский период [1; 7]. В советское время история немецких колоний рассматривалась преимущественно с позиций классово-антирелигиозной борьбы: даже относительно нейтральные работы позднесоветского периода сопровождалась разделами, обобщающими опыт атеистического воспитания трудящихся меннонитов [6]. В постсоветское время круг работ по истории поволжских немцев несколько расширился. Он представлен исследованиями отношений переселенцев с властью [5], практик выживания в условиях 20-х годов XX века [8; 9; 11], а также трудами краеведческого характера [12]. Краткий

© Кулянина У. И., 2018

историографический обзор будет неполным без упоминания вклада зарубежных исследователей протестантизма [4]. Вместе с тем в перечисленных работах не дается ответа на вопрос о факторах сохранения социокультурной идентичности волжских меннонитов (особенно в начале XX века), как и о причинах, заставлявших власти долгое время мириться с таковой.

Источниковая база исследования представлена опубликованными отчетами Самарского губернского статистического комитета [10], неопубликованными документами, сохраненными в государственных архивах Самарской области (делопроизводство Исполнительного комитета Самарского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Самарского губернского отдела ОГПУ и других организаций о духовенстве и сектах) [13—17], источниками личного происхождения [2].

Рассмотрение вышеуказанных источников и литературы показало, что поиск факторов, обуславливающих сохранение социокультурной идентичности меннонитов, следует начать с тех условий, на которых они переселялись в Российскую империю. Колонистам были даны права приобретения земель и аренды близлежащих территорий, разрешен ввоз имущества, предоставлена свобода от воинской повинности на 20 лет с последующей уплатой по 300 рублей за каждого рекрута (после введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности меннониты отбывали альтернативную службу) [7, с. 54].

В 1858 г. в Александртаальскую волость прибыли 15 первых семейств меннонитов. После постройки Александрталя вокруг возникли еще девять поселений. К 1870 г. заселение колоний было в основном завершено. Согласно сведениям секретаря Самарского губернского статистического комитета И. А. Протопопова, в 1900 г. тут насчитывалось уже 1313 поселенцев-меннонитов (142 двора) [10, с. 42].

Александртааль был задуман как самостоятельный коммунально-политический округ. Каждое село создавало собственный орган самоуправления во главе с избираемым старостой, а всей волостью руководил старшина. Волостной сход состоял из сельских старост и двух делегатов от каждой общины. Для поддержания порядка община избирала десятника (полицейского), округ выбирал сотского (шефа полиции). Все должности исполнялись на общественных началах. Русские власти в жизнь общины не вмешивались и своей полиции в этих поселениях не держали [2].

Религиозная обособленность меннонитской общины тормозила культурные взаимопроникновения с местным русским населением. Браки у меннонитов за редким исключением были эндогамные, нарушившие этот запрет изгонялись. Культивирование исключительного трудолюбия и верности данным обещаниям привело к тому, что русские избегали селиться среди меннонитов, так как имело место «третирование работников меннонитами, их неумолимая, нередко доходящая до жестокости требовательность в исполнении принятых на себя обязательств, денежные вычеты и взыскания за малейшее упущение в работе». Свою роль в обособлении меннонитов сыграл и языковой барьер. Так, в 1883 г. в Александртаале проживали лишь два меннонита, сносно говоривших по-русски [7, с. 65—66].

Отнюдь не способствовало ассимиляции и школьное образование немцев. Несмотря на то что распространение грамотности (в рамках чтения Писания) являлось важной частью немецкой культуры (в 1882 г. половина жителей волости писала и читала по-немецки), меннониты часто ограничивались лишь начальным образованием [7, с. 65]. В конце XIX столетия в России вполне можно было обходиться без знания русского языка, а идеалы меннонитов даже в четвертом поколении все еще оставались в рамках немецкой культуры [4, с. 280]. Только в начале XX столетия в старших классах был введен русский язык. От учащихся требовалось умение изъясняться устно и письменно по-русски.

Программа по математике включала таблицу умножения и четыре арифметических действия. Это соответствовало примерно русской трехклассной школе. Единичные случаи продолжения образования меннонитами поволжского Левобережья (прежде всего педагогического, а затем гуманитарного и технического) были связаны предпочтительно со Швейцарией и Германией [4, с. 279]. Поступление в учебные заведения близлежащей Самары меннонитскими религиозными лидерами не приветствовалось. Следует заметить, что пасторы обладали огромной властью: они имели «нравственное право карать ослушников... воли лишением причастия и изгнанием из братства» [7, с. 66].

Однако особенностью религиозной жизни александртальских меннонитов была «духовная провинциализация»: деревенские священники не походили на ученых проповедников, были более демократичны [12, с. 49]. Проповедники, точно так же как и старосты, избирались на сходах, а службу исполняли на общественных началах. Пасторы участвовали и в управлении общиной, зачастую играя даже большую роль, чем старосты, — вера у меннонитов являлась не только духовной потребностью, но и была главной нормой совместной жизни в общине.

Учитывая, что моральные и религиозные принципы меннонитов сдерживали влияние на них окружающих народов, последнее проявлялось лишь на хозяйственном уровне: немцы постепенно переняли местную систему земледелия, упряжи и транспортных средств [12, с. 44—46]. Тем не менее ведение хозяйства меннонитов разительно отличалось от местного. Способ владения землею они практиковали исключительно подворный [17, л. 66]. Каждая семья владела земельным участком, каждый двор представлял собою особняк, никоим образом не связанный с другими. В 1890 г. Александртальскую волость обслуживали молитвенный дом, двухклассная русская школа, начальные немецкие школы, сыроваренный, кожевенный и кирпичный заводы, столярное заведение, ветряные мельницы [12, с. 41—42]. Вскоре в волости появились сельхозтоварищества по переработке продуктов, была построена дизельная мельница, в 1914 г. их было уже шесть. Среди русских чиновников бытовало мнение, что «меннонитские колонии... могут служить прекрасным образцом для сельских вообще поселений» [10, с. 23].

Успехи александртальцев на сельскохозяйственном поприще можно объяснить не только исключительным трудолюбием и приверженностью к немецкому порядку. Несмотря на то что «меннонитских переселенцев жизнь в колонии настолько спаяла, что, когда в 1871 г. сословие колонистов было ликвидировано и они получили новый статус поселян-собственников, они уже не мыслили жизни без привычной колонистской формы» [4, с. 279], александртальские меннониты не были колонистами в традиционном — хозяйственном — смысле этого слова. Увеличение числа наделов меннониты старались обеспечить не столько за счет аренды близлежащих свободных земель, сколько через их приобретение в собственность. В результате число колоний на Лево́й Волге увеличилось. Начавшаяся в 1906 г. аграрная реформа П. А. Столыпина ускорила процесс капитализации местных фермерских хозяйств. В итоге три десятка семейных кланов стали ведущими земельными собственниками, сосредоточившими в своих руках по 200—350 десятин, к 1914 г. упрочились новые хозяйственные формы — сельскохозяйственные общества [12, с. 56]. Конечно, эти процессы, как и повсеместно в российском обществе, привели к имущественному расслоению. Но, в отличие от последнего, социальных противоречий они не вызвали. Причиной тому — «безраздельное господство общинного сознания в умах колонистов» [3, с. 13].

Во время Первой мировой войны российские немцы оказались вовлеченными в конфликт между враждующими державами в роли внутреннего противника. Невзирая на лояльность к русскому правительству, теперь и в России стали говорить об отмене альтер-

нативной службы для меннонитов [3, с. 14]. Последовала травля иммигрантов местным населением [18]. В 1916 г. даже обсуждался закон об изгнании меннонитов из России. Положение спасло напоминание о голландском происхождении последних и помощь нидерландского правительства. Таким образом, обособленность меннонитов, как и всяких «русских» немцев, в годы Великой войны только возрастает: и до того ограниченные контакты александртальцев с русской округой сходят на нет.

Февральская, а затем и Октябрьская революции внесли изменения в жизнь меннонитов далеко не сразу. Самые заметные перемены коснулись хозяйственной сферы. При временном распределении земель в 1918 г. из общей площади 11 колоний Александртальской волости (всего 13 143 десятины) было изъято 4658 десятин, что привело к нарушению границ семейных участков. Следует учесть, что изменения были не столь радикальными, как для местных: получившаяся норма земли на едока вдвое превосходила таковую в окрестных селениях и составляла 6 десятин против 2,5. Данное обстоятельство приводило к постоянным конфликтам и спорам александртальцев с крестьянами Кошкинской и Шенталинской волостей, пытавшимися убедить губернские и центральные власти изъять у меннонитов «земли сверх нормы» [17, л. 64]. Примечательно, что решение Исполкома Самарских Губернских Советов в данном случае сработало на усиление обособленности Александрталя. Так, крестьянам торгового села Кошки были предложены свободные земли для заселения, но те отказались, «требуя расселить их среди немцев». Однако чиновники пришли к выводу, что в таком случае «никакого улучшения в сельскохозяйственное производство села Кошки они не внесут, а немецкие хозяйства в производственном отношении будут нарушены <...> [что] вызовет усиление эмигрантского движения», в то время как «Александртальское товарищество является чрезвычайно важной организацией для губернии» [17, л. 70].

И все же в соответствии с новыми порядками в 1919—1921 гг. земельные наделы в колониях были перераспределены в уравнительном порядке, что быстро сказалось на эффективности использования земли: в «сильных» хозяйствах наметился переизбыток скота, который быстро пустили на убой, в то время как «худые» семьи оказались не в состоянии обрабатывать полученную землю и забросили ее. После начала нэпа и смягчения правил землеустройства собрание уполномоченных меннонитов постановило вернуться к привычным границам семейных участков, и советы приняли это решение [17, л. 66—69]. Возврат к прежним практикам положительно сказался на уровне достатка переселенцев: по данным Самарского губисполкома, к середине 1920-х годов социальный состав колоний был представлен большинством «очень зажиточных хозяйств, широко и постоянно применяющих наемный труд». Безлошадных и беспосевных дворов не было, в каждой семье насчитывалось от 3—4 до 6 голов рабочего скота, а в отдельных — до 20 голов. Колония была оснащена машинной техникой: тракторами, плугами, сеялками, молотилками и др. В свободном пользовании общинников находился маслосыроваренный завод и элеватор. Из 268 меннонитов 13 владело наделами свыше 100 десятин на хозяйство. При этом вся земля обрабатывалась, а не сдавалась в аренду [17, л. 69].

Не претерпела коренных изменений и культурная жизнь колоний. Антирелигиозная пропаганда в Александртальском товариществе успеха не имела. Более того, конфессиональная основа меннонитской идентичности породила сопротивление новой власти и еще большую культурную обособленность общины, в силу чего большевикам не удалось только силой убеждения увлечь меннонитов в атеизм. Община продолжила жить ценностями своей веры. Последние, в частности, проявились в том, что, несмотря на недавние столкновения Гражданской войны, меннониты в 1925 г. подтвердили свою приверженность принципу непротивления [4, с. 283]. Самарский губотдел ОГПУ признавал, что,

хотя «секта меннонитов распространения своего вероучения вне общины не проводит <...> внутри общины в религиозном смысле сильны» [13, л. 29, 96].

Этому значительно способствовали сохранившиеся связи с меннонитскими общинами за границей Советской России, а также сохранность дореволюционных традиций в системе образования. Так, обследование немецких колоний выявило распространение в них большого числа религиозных и буржуазных заграничных изданий и сильную «засоренность» преподавательского и учительского состава «антипролетарским, в ряде случаев явно реакционным элементом», внушающую «ряд серьезных опасений за качество воспитания подрастающих кадров» [16, л. 42, 46].

Отдельного рассмотрения заслуживают причины, вынуждавшие советские органы мириться с фактом наличия в Советской республике замкнутого фермерского хозяйства полукапиталистического типа, деятельностью меннонитских проповедников, «несоветской» организацией образования и др. [14, л. 159]. Власти отмечали, что «члены семхоза живут крайне замкнуто, не заметно желая передать свои навыки окрестному населению, живут только для себя, культурные их ценности государством не распределяются, в политическом отношении семхоз вреден» [17, л. 70], и все же Александертальское семенное хозяйство просуществовало в неизменном виде еще не менее пяти лет.

Дело в том, что в 1921 г. меннонитские колонии Александертальской волости объединились в семхоз, который работал на договорной основе с Безенчукской опытной станцией по разведению чистосортных семян и снабжал все население губернии сортовой пшеницей [17, л. 67, 70—73]. Причем, несмотря на неблагоприятные погодные условия, количество сортового зерна, заготавливаемого Самарским ГЗУ в Александертальском семенном товариществе, из года в год росло. Если в 1922 г. было запасено 12 000 пудов, то в 1927 — уже 40 000 пудов. «Это количество могло бы быть и большим, если бы не были ограничены возможности заготовки материала у Губземуправления» [17, л. 70 об.]. Примечательно, что именно сотрудничество с Безенчукской опытной станцией стало одним из факторов, позволившим александертальцам пережить голод начала 1920-х гг.: благодаря ему колония в полном объеме получила необходимое для посева зерно, поэтому среди меннонитов не было случаев голодной смерти [9, с. 171].

Второй важной причиной была деятельность товарищества по обеспечению региона симментальским скотом и рысистыми лошадьми (из общего поголовья являлись племенными 70 и 50% соответственно). Считалось, что «конеvodческое товарищество Александерталя по качеству племенного материала и технике коневодства является наиболее ценным очагом рысистого коневодства в губернии» [17, л. 71].

Успехи александертальцев признавались не только в Поволжье. Так, значение Александертальского товарищества было отмечено на Всероссийской сельскохозяйственной выставке, «признавшей хозяйство семхоза единственным по своей организации в Республике» [17, л. 71 об.]. Развитие меннонитских колоний Самарской губернии отмечалось и Комиссией при Агитпропе ЦК как наиболее успешное по сравнению с другими меннонитскими группами в середине 1920-х годов [9, с. 172]. Неудивительно, что I съезд Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного общества прошел в октябре 1923 г. именно в Самарской губернии [11, с. 249]. Такая широкая известность товарищества также способствовала осторожным действиям местных властей.

Наконец, сказалась и поддержка зарубежных собратьев по вере. Склад «Американской администрации помощи» в Самаре был одним из самых крупных в Советской России, что обеспечило наибольшие поставки грузов именно сюда. В годы голода «Американская меннонитская помощь» кормила порядка 82—85% жителей Александертальской

волости [9, с. 171]. Поставки не ограничивались лишь продовольствием. Так, в 1926 г. Александертальскому семенному хозяйству были переданы 14 тракторов «Фордзон» стоимостью около 1000 руб. каждый. Конечно, советская власть была крайне заинтересована в такой помощи советским немцам [8, с. 38; 17, л. 67 об.].

«Великий перелом» положил конец такому исключительному положению меннонитов. Основной удар был сделан по важнейшему сохранившемуся социальному институту меннонитских колоний — церкви. В 1930-х гг. руководство церковных общин было арестовано, перестал существовать конфессиональный фактор формирования меннонитской идентичности. Тогда же были уничтожены большинство книг и периодических изданий, которые также могли бы оказать влияние на воспроизводство идентичности у следующего поколения [4, с. 283]. С изменением политического курса усилился отток меннонитов за границу — в страны Северной и Южной Америк, а также в Германию [14, л. 159—160; 15, л. 69].

Второй удар по меннонитским колониям был связан с уничтожением хозяйского уклада общин. После начала сплошной коллективизации треть меннонитов Александертальского товарищества попала под раскулачивание и была выселена [14, л. 159].

Наконец, после начала Великой Отечественной войны повторилась ситуация Первой мировой войны, всех оставшихся поволжских меннонитов, как немцев, сочли внутренним врагом и депортировали в отдаленные районы Сибири, в Казахстан и Среднюю Азию, «мобилизовали» в Трудармию [2, с. 417—436]. В результате реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья» от 28 августа 1941 г. Александертальская колония поволжских меннонитов прекратила свое существование.

Таким образом, среди факторов, способствовавших сохранению меннонитами идентичности в досоветский период, в первую очередь следует назвать особый религиозный уклад. Во-вторых, автономность Александерталя, невмешательство русских властей в его жизнь. В-третьих, языковой барьер и запрет на браки с представителями коренных народов России. В-четвертых, особенности хозяйственной деятельности. Так, меннонитское сообщество, предельно лояльное к власти, неукоснительно выполнило требования по переделу земли в 1920—1921 гг., что, однако, не повлекло как приспособления общины к новым экономическим условиям, так и не выработало у меннонитов новых социальных отношений. Наоборот, при первом же смягчении политической ситуации произошел быстрый возврат к прежним практикам. В-пятых, влияние внешней политики («Германской», а позже и Великой Отечественной войны). Этот фактор становится внешним по отношению к меннонитской общине: во времена войн с Германией возросшая изоляция немцев обусловлена понятным недоверием как властей, так и общества, а не замкнутостью переселенцев. И все же игнорировать его нельзя.

Самым интересным периодом для рассмотрения факторов сохранения социокультурной идентичности меннонитов становится советский. Несмотря на кардинальные государственные и общественные преобразования, после Октябрьской революции и установления советской власти ни хозяйственная, ни социокультурная жизнь меннонитов серьезных изменений не претерпела. Такое особое отношение местных органов самоуправления к меннонитской общине во многом объясняется высокой производительностью Александертальского семхоза, его «нужностью» местным Советам, в том числе из-за помощи общине зарубежных единоверцев. Когда условия изменились и нужда в семхозе отпала, культурное сопротивление меннонитов стало главной причиной уничтожения общины.

Список использованных источников и литературы

1. Велицын А. А. Немцы в России: очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России. СПб. : Тип. Товарищества «Общественная польза», 1893. 282 с.
2. Гардер Б. Я. Александерталь [Электронный ресурс] // Wadim Wiebe Memory project. URL: <https://sites.google.com/site/wiebehistory/alexandertal> (дата обращения 31.10.2017).
3. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918—1941. Часть II. Автономная республика. 1924—1941. М. : МСНК-пресс, 2007. 576 с.
4. Дик Й. Исторические корни и соотношение конфессиональных и этнических границ в меннонитской идентичности в СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 4. С. 275—294.
5. Евсеев Н. О. Деятельность Клаасса Эппа по переселению меннонитов в Поволжье (1850—1854 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, № 3. С. 103—108.
6. Ипатов А. Н. Меннониты (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности). М. : Мысль, 1978. 213 с.
7. Красноперов И. Меннонитское хозяйство в Самарском уезде // Русская мысль. 1883. Кн. 10. С. 53—68.
8. Назарова Т. П. Агротехническая помощь Mennonite Central Committee в России в период нэпа // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. 2010. № 1 (17). С. 35—41.
9. Назарова Т. П. Голод 1921—1922 годов в меннонитских колониях Оренбургской и Самарской губерний // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. 2010. № 2 (18). С. 169—174.
10. Протопопов И. А. Список населенных мест Самарской губернии, составлен в 1900 г. секретарем Самарского губ. статистического комитета И. А. Протопоповым. Самара : Губ. тип., 1900. [2], XXXIX, 520 с.
11. Редькина О. Ю. Меннонитская кооперация в Волго-Донском регионе в 1920-е гг. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения : ежегодник. М. ; Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. Вып. 5. С. 243—260.
12. Савченко И. А., Дубинин С. И. Российские немцы в Самарском крае. Историко-краеведческие очерки. Самара : Самар. ун-т, 1994. 100 с.
13. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1706.
14. СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 16.
15. СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 5. Д. 469.
16. СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 5. Д. 496.
17. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 1070-а.
18. Kulyanina U., Kurakina L., Ilushin A. The Great War on the Pages of County Newspapers: the Formation of Public Opinion in Russian province (on materials of Samara, Simbirsk and Penza region) // Bylye Gody. 2017. Vol. 43, N. 1. P. 285—293.

Поступила в редакцию 07.10.2017

Кулянина Ульяна Ивановна, кандидат исторических наук
 Филиал военного учебно-научного центра военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Сызрани
 Российская Федерация, 446007, Самарская область, г. Сызрань, ул. Маршала Жукова, 1
 E-mail: kulyanina@gmail.com

UDC 94(47)

U. I. Kulyanina

The factors of Middle Volga Mennonites sociocultural identity preservation (cases of Aleksandertal districts of Samara province)

The article is devoted to the history of Samara province colonies of German Mennonites, to the main features of their everyday life, characteristics of management and economic life of the colonies, the impact made by the authorities on the colonists, factors which influence preservation of Mennonites' sociocultural identity. The chronological scope of the study covers the XIX — first half of XX centuries. The documentary basis of the article is previously unpublished archival documents of state archives of the Samara region.

Key words: Aleksandertal seed farm, sociocultural identity, Mennonites, German colonies, Middle Volga region.

Kulyanina Ulyana Ivanovna, Candidate of Historical Sciences

N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy (Syzran Branch)

Russian Federation, 446007, Syzran, ul. Marshala Zhukova, 1

E-mail: kulyanina@gmail.com

References

1. Velitsyn A. A. *Nemtsy v Rossii: ocherki istoricheskogo razvitiya i nastoyashchego polozheniya nemetskikh kolonii na Yuge i Vostoke Rossii* [The Germans in Russia: Essays on the Historical Development and Present State of the German Colonies in the South and East of Russia]. St. Petersburg, Tip. Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za" Publ., 1893. 282 p. (In Russian)
2. Garder B. Ya. Aleksandertal' [Alexandertal]. *Wadim Wiebe Memory project*. URL: <https://sites.google.com/site/wiebehistory/alexandertal>. Accessed: 31.10.2017. (In Russian)
3. German A. A. *Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918—1941. Chast' II. Avtonomnaya respublika. 1924—1941* [German autonomy on the Volga. 1918—1941. Part II. Autonomous Republic. 1924—1941]. Moscow, MSNK-press Publ., 2007. 576 p. (In Russian)
4. Dik J. Istoricheskie korni i sootnoshenie konfessional'nykh i etnicheskikh granits v mennonitskoi identichnosti v SSSR [Historical roots and the ratio of confessional and ethnic boundaries in the Mennonite identity in the USSR]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2014, no. 4, pp. 275—294. (In Russian)
5. Evseev N. O. Deyatel'nost' Klaassa Eppa po pereseleniyu mennonitov v Povolzh'e (1850—1854 gg.) [The work of Klaass Epp on the migration of Mennonites to the Volga region (1850—1854)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, vol. 14, no. 3, pp. 103—108. (In Russian)
6. Ipatov A. N. *Mennonity (Voprosy formirovaniya i evolyutsii etnokonfessional'noi obshchnosti)* [Mennonites (Issues of formation and evolution of ethnoconfessional community)]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 213 p. (In Russian)
7. Krasnoperov I. Mennonitskoe khozyaistvo v Samarskom uezde [Mennonite economy in the Samara district]. *Russkaya mysl'*, 1883, book 10, pp. 53—68. (In Russian)
8. Nazarova T. P. Agrotekhnicheskaya pomoshch' Mennonite Central Committee v Rossii v period nepa [Agrotechnical assistance to the Mennonite Central Committee in Russia during the NEP period]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4, Istoriya*, 2010, no. 1 (17), pp. 35—41. (In Russian)
9. Nazarova T. P. Golod 1921—1922 godov v mennonitskikh koloniyakh Orenburgskoi i Samarskoi gubernii [The famine of 1921—1922 in the Mennonite colonies of the Orenburg and Samara provinces]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4, Istoriya*, 2010, no. 2 (18), pp. 169—174. (In Russian)
10. Protopopov I. A. *Spisok naseleennykh mest Samarskoi gubernii, sostavlenn v 1900 g. sekretarem Samarskogo gub. statisticheskogo komiteta I. A. Protopopovym* [The list of inhabited places of the Samara province, compiled in 1900 by the secretary of the Samara Province statistical committee I. A. Protopopov]. Samara, Gub. tip. Publ., 1900. [2], XXXIX, 520 p. (In Russian)
11. Red'kina O. Yu. Mennonitskaya kooperatsiya v Volgo-Donskom regione v 1920-e gg. [Mennonite cooperation in the Volga-Don region in the 1920s]. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya*:

ezhegodnik [The Economic History of Russia: Problems, Searches, Solutions. Yearbook]. Moscow, Volgograd, VolGU Publ., 2003, is. 5, pp. 243—260. (In Russian)

12. Savchenko I. A., Dubinin S. I. *Rossiiskie nemtsy v Samarskom krae. Istoriko-kraevedcheskie ocherki* [Russian Germans in the Samara region. Historical and regional studies]. Samara, Samar. un-t Publ., 1994. 100 p. (In Russian)

13. *Samarskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Samara Regional State Archive of Social and Political History] (SOGASPI). F. 1. Op. 1. D. 1706.

14. SOGASPI. F. 655. Op. 1. D. 16.

15. SOGASPI. F. 655. Op. 5. D. 469.

16. SOGASPI. F. 655. Op. 5. D. 496.

17. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti* [Central State Archive of Samara Region]. F. R-81. Op. 1. D. 1070-a.

18. Kulyanina U., Kurakina L., Ilushin A. The Great War on the Pages of County Newspapers: the Formation of Public Opinion in Russian province (on materials of Samara, Simbirsk and Penza region). *Bylye Gody*, 2017, vol. 43, no. 1, pp. 285—293.